MEMORIA

УДК 93/94+929

«С ИСТОРИЕЙ НА «ТЫ»»: ЛЕОНИД АЛЕКСЕЕВИЧ ПАШКОВСКИЙ (1934–2018): ПАМЯТИ ИСТОРИКА, КОЛЛЕГИ, НАСТАВНИКА[1]

Дорофеев Д. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dorof-denis@yandex.ru

Восстановлен жизненный путь Л. А. Пашковского – историка-слависта, проработавшего 38 лет на должностях заместителя декана и декана исторического факультета, заведующего кафедрой новой и новейшей истории Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе и Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. В фокусе исследования находятся этапы жизненного пути Л. А. Пашковского: детство и юность, проведенные в селах Новополяна и Треповка Знаменского района Кировоградской области УССР; обучение в Запорожском металлургическом техникуме; служба в рядах Вооруженных сил СССР; студенческие и аспирантские годы на историческом факультете Харьковском государственном университете им. А. М. Горького; работа в вузах Харькова и Донецка; вклад в развитие исторического факультета и кафедры новой и новейшей истории в Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе и ТНУ им. В. И. Вернадского.

Ключевые слова: Пашковский Леонид Алексеевич, кафедра новой и новейшей истории, Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе, Таврический национальный факультет им. В. И. Вернадского.

Теплым субботним днем 15 сентября 1934 г. в крошечном селе Новополяна, что в 30 км от пгт Знаменка Одесской области (в 1937 г. село было в составе Николаевской, а с 1939 г. – Кировоградской области), в сельской семье появился на свет 4-й ребенок. Имя новорожденному дали в соответствии с Православным церковным календарем – Леонид. С этого дня началась жизнь Леонида Алексеевича Пашковского – кандидата исторических наук, доцента, декана исторического

[1] Память о Леониде Алексеевиче Пашковском хранят сотрудники исторического факультета Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского, в целом, и, в частности, его коллеги, ученики на кафедре новой и новейшей истории, поделившиеся с автором публикации своими воспоминаниями: профессор – С. С. Щевелев, доценты – Е. В. Бебешко, Р. А. Близняков, С. П. Горлянский, Е. В. Крыжко, Д. А. Малышев, старший преподаватель – Л. А. Крыжко, ведущий специалист – Д. В. Ивакина.

факультета, заведующего кафедрой новой и новейшей истории Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе и Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Жизненный путь Л. А. Пашковского продлился 30 тыс. 695 дней и завершился в день его рождения – в субботу, 15 сентября 2018 г., в г. Знаменке Кировоградской области Украины. На первый взгляд сочетание даты рождения и смерти могут показаться простым совпадением, но те, кто лично знал Леонида Алексеевича, хранят в памяти его профессиональный подход к историческому процессу: выявление цикличности, определение корреляций дат и цифр в истории, как проявление закономерностей. «Повторяемость» найдет место и в биографии самого Леонида Алексеевича.

Рис. 1. Леонид Алексеевич Пашковский в рабочем кабинете. 2000 г. Фотография из фондов кафедры новой и новейшей истории КФУ имени В. И. Вернадского.

Раннее детство и школьная пора Л. А. Пашковского прошли в сельской местности. Родители Леонида Алексеевича, прошедшие школу ликбеза, понимали, что будущее их детей зависит от образования. В этом отношении, родительские планы сталкивались с тяжелой реальностью: в селе Новополяна, с населением менее 100 человек, не было подходящих условий для развития их ребенка. Ежедневно Леониду Алексеевичу приходилось ходить пешком 6 км «за знаниями» в единственную школу, расположенную поблизости – в селе Треповка. Преодолевая путь в дождливую, снежную, знойную погоду соединял совершенно разные миры: размеренная, спокойная жизнь родного села, в котором протекали тяжелые будни поколений «хлеборобов» контрастировала с более активной жизнью села Треповка,

динамизм которой придавала одноименная железнодорожная станция Одесской железной дороги. Проходившие подъезда побуждали Леонида Алексеевича задуматься о своем будущем, а для этого следовало покинуть привычную с детства провинциальную среду. И эти романтические, юношеские размышления, из которых постепенно формировались жизненные планы, пришлись на трудное время – последствия массового голода в УССР, сталинские репрессии, жизнь на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны, восстановление страны в послевоенные годы [15, с. 252–253]. Эпоха отпечаталась на личности Л. А. Пашковского: осторожность и компромиссность стали преобладающими чертами его характера. Заедающий дверной замок в кабинет декана означал для него только одно – за ним следят, в кабинете был обыск. Причины такого взгляда на простые вещи, лежали в трагедии семьи. По доносу родственников отца арестовали, осудили за вредительство, инкриминировав нарушение предписаний КП(б)У по организации севооборота агрокультур. Хотя его действия были эффективными: в тот злополучный год совхоз собрал небывалый прежде рекордный урожай сахарной свеклы, но судьба человека и его близких уже была обречена. Пока глава семьи отбывал срок в лагерях Сибири, а в годы Великой Отечественной войны рядовым защищал родину, получив медали «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», его родные испытывали материальную нужду, но самое главное – психологическое давление. Спустя десятилетия Леонид Алексеевич в шутливой форме выражал свое презрение к советской власти фразой: «Слава КПСС на Чернобыльской АЭС!».

Тем не менее, несмотря на специфику 1930–40-х гг., именно в детский период произошла череда событий, подтолкнувших Л. А. Пашковского связать свою жизнь с исторической наукой.

Принципиальное значение имела социальная среда. На Кировоградщине у него сформировалась неразрывная связь не только с эстетикой украинской культуры, но и со славянским миром, к которому он испытывал глубочайший пиетет. Обладая бархатных голосом, Леонид Алексеевич любил блеснуть вокальными данными, исполняя с душевной теплотой украинскую народную песню «Чорнії брови, карії очі, темні, як нічка, ясні, як день!». Мягкие и доброжелательные манеры общения с собеседником, отсутствие апломба и высокомерия, стремление найти компромиссное решение, но самое главное – теплое, семейное, в некоторых случая даже отцовское отношение, стали неповторимой манерой в общении Леонида Алексеевича. На факультет и, особенно, на кафедру новой и новейшей истории, им был привнесен украинский культурный колорит. Часто можно было услышать «Приветствую, Пана декана!» – кодовая фраза, произносимая на польский или западноукраинский манер, ставшая привычным приветствием для наиболее близких коллег.

Также, интеллигентность родителей привили интерес Леонида Алексеевича к книгам. Для провинциальной местности, по воспоминаниям Л. А. Пашковского, книга была сокровищем и приобщением к другой жизни – жизни городского человека, не занимающегося физическим крестьянским трудом. Книга стала символом, «трамплином» в иную, более успешную, лучшую жизнь. Впоследствии

Леонид Алексеевич станет известным библиофилом: коллекция книг, особенно по славистике и мировой культуре, которая будет сначала размещена в деканате исторического факультета, а затем на кафедре новой и новейшей истории, будет производить колоссальное впечатление на многих коллег. Она станет предметом личной гордости Леонида Алексеевича, а также источником знания для многих поколений студентов, аспирантов и преподавателей. Атмосфера вечных знаний, царившая в кабинете Л. А. Пашковского, в его бытность деканом, контрастировала с пустынными, серыми аудиториями Симферопольского государственного университета им. М. Ф. Фрунзе и Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Из детства Леонид Алексеевич вынес еще одно впечатление – любовь к кулинарии. Часто, особенно в обеденные часы, из его уст можно было услышать французский фразеологизм «tuer le ver» – «заморить червячка», означавший целенаправленный поход в университетскую столовую или короткий перекус. Поваренные книги, коронные блюда (баранина в шампанском, молодая картошка с укропом и сливочным маслом) войдут в жизнь Леонида Алексеевича десятилетия спустя, а начало положит деликатес первых послевоенных лет – запеченная в печи свекла. Теплота материнской заботы и сладкий вкус бурака навсегда останутся в его памяти. Эти воспоминания отразятся и на профессиональных взглядах: в 2000-е гг. Леонид Алексеевич вел работу над новым спецкурсом «Вкус и цвет истории», в основу которого закладывалась, как он сам неоднократно отмечал – «гастро»-история. Однако, воплотить в жизнь задуманное не удалось, главным образом, из-за осторожности Леонида Алексеевича, отдавшего предпочтение не вызывать чрезмерный интерес к себе.

Рис. 2. Л. А. Пашковский во время обзорной лекции. 2007 г. Фотография из фондов кафедры новой и новейшей истории КФУ имени В. И. Вернадского.

Великая Отечественная война навсегда отпечаталась в сознании Леонида Алексеевича. При этом воздействие было многоплановым. Уже после переименования СГУ им. М. В. Фрунзе в 1999 г. в ТНУ им. В. И. Вернадского, Леонид Алексеевич отмечал правильность идеи ноосферы Владимира Ивановича Вернадского. Основанием для такой оценки были детские воспоминания: увиденное «северное сияние» в предвоенные месяцы 1941 г., как знамение грядущей войны, трактовались им как доказательство существования планетарного разума.

В январские дни 1944 г. в доме родителей Л. А. Пашковского, который он всегда с теплотой называл «рідна хата», размещался Иван Степанович Конев – советский полководец, командующий 2-м Украинским фронтом, проводивший Кировоградскую наступательную операцию (5–16 января 1944 г.). По воспоминаниям Леонида Алексеевича, маршал всегда ночевал не в помещении, а в автомобиле, припаркованном во дворе. Но главное в этой встрече – «прикосновение» к живой истории. Во многом, январские события 1944 г. подтолкнули Л. А. Пашковского к выбору истории, как профессиональной сфере деятельности.

В годы детства и юности Леонид Алексеевич был простым советским подростком, впитавшим все то, что его окружало. Особенно это касалось кинематографа. Подобно миллионам советских мальчишек послевоенной поры, он, подражая Тарзану, раскачивался на самодельных качелях-«тарзанках». Вместе с тем, на него произвела колоссальное воздействие музыкальная комедия «Аршин мал алан» (1945), в которой азербайджанский оперный певец Рашид Бейбутов исполнял песню «Ай, спасибо Сулейману, Он помог советом мне!». Именно эта песенная строка стала постоянным спутником хорошего настроения Леонида Алексеевича, он всегда ее напевал, когда испытывал положительные эмоции. Это был «золотой момент», когда к нему можно было обратиться с просьбой и вероятность отказа была сведена к минимуму.

По окончанию школы, Леонид Алексеевич твердо решил поступать на исторический факультет. Со своим одноклассником, он с юношеским энтузиазмом сел в поезд и отправился на вступительные экзамены в столичный вуз – Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко. Шансы быть зачисленным на привилегированный факультет у Леонида Алексеевича были мизерные: война привела к тому, что в первый класс пойдет только в 1944 г. в возрасте 10 лет, в послевоенные годы неблагоприятно сказывались на уровне преподавания дисциплин в сельских школах, где не хватало опытных педагогов. В итоге, вступительные испытания были провалены: выслушав ответы абитуриента на вопросы экзаменационного билета, декан исторического факультета, маститый марксистский идеолог Алексей Артемьевич Бородин посоветовал Леониду Алексеевичу упорно заниматься и попробовать поступить в следующем году. На первый взгляд за «дежурной» фразой стояли добрые пожелания, но в реальности они означали недостаточность «советских» аргументов, чтобы рядовой выпускник из провинции стал студентом идеологического факультета элитного вуза: отсутствовала рекомендация ВЛКСМ, не было партийного членства, конечно, сказывалась и судимость отца.

«Киевский эпизод» обозначил водораздел в жизни Леонида Алексеевича: чтобы преодолеть возникшие препятствия, «маленькому человеку» пришлось принять правила «большого мира» и потерять фундаментальное – свободу. Выйдя из экзаменационной аудитории, началась жизнь в погоне за статусом и властью, в которой каждый успех влек поражение в отдаленном будущем. Обладание «шагреневой кожей» никому и никогда не приносило счастья. К сожалению, испытать это пришлось и Леониду Алексеевичу.

Усвоив правила жизни, Л. А. Пашковский начал действовать: поступил в Запорожский металлургический техникум на специальность электролиз алюминия. Учеба шла очень тяжело: гуманитарный склад ума «не переваривал» технические науки. По воспоминаниям Леонида Алексеевича советской промышленности очень повезло, когда он понял, что не подходит для этой профессии, иначе катастроф на предприятии по его вине избежать не удалось.

В жизни всегда есть альтернативные пути, и таковой Леонид Алексеевич увидел в срочной службе в армии. Не закончив обучение в техникуме, он был призван в ряды Вооруженных сил СССР, где служил в авиации дальнего действия. На протяжении двух лет Леонид Алексеевич нес боевое дежурство: благодаря учебе в техникуме он стал оператором бортовой радиолокационной станции в составе экипажа на борту стратегического бомбардировщика Ту-4, барражировавшего воздушное пространство вдоль границ соприкосновения НАТО и социалистических государств Восточной Европы. Примечательно, что за годы службы ему приходилось использовать сложные приборы, хотя в последующем он стал закостенелым технофобом: испытывал «дрожь и трепет» перед включением микроволновой печи, прося это сделать сотрудников кафедры и деканата, игнорировал компьютерную оргтехнику.

В целом, армейские годы стали трамплином для Леонида Алексеевича: положительная характеристика командования, отличник боевой подготовки, а самое главное именно в рядах Вооруженных сил открывали дверь на исторические факультеты советских вузов. Но эти характеристики следовало подкрепить твердыми званиями исторических дисциплин. Книжные магазины и библиотека г. Винницы, где проходила срочная служба, стали местом постоянного времяпровождения. Из воспоминаний Леонида Алексеевича, он штудировал доступную ему литературу, вел конспекты. Итогом его работы были 3 амбарные книги учета по 500 страниц каждая. Проводя эту работу, он выработал своеобразную манеру систематизации информации: разноцветными карандашами и чернилами им создавались блок-схемы, он самостоятельно изготовлял исторические карты. Будучи уже университетским преподавателем, без листа бумаги и набора цветных ручек, карандашей, Леонид Алексеевич никогда не вел разговор. Сидя за столом, объясняя, рассуждая, он постоянно визуализировал свои идеи, и понять эти изображения мог только он один. Также Л. А. Пашковский окружил себя аурой флагов иностранных государств, исторических и географических карт. Не было свободного места на стенах кабинета декана и кафедры, куда Леонид Алексеевич не «пристроил» бы карты, которые он покупал, просил коллег привезти из зарубежных поездок, их ему изготавливали и студенты. Последние всегда получали от

Л. А. Пашковского наставления: «Не знаешь ответа на вопрос, подойди к карте – там все есть, главное умей «читать» историю по столицам и государственным границам».

Рис. 3. Л. А. Пашковский во время лекции. 2008 г. Фотография из фондов кафедры новой и новейшей истории КФУ имени В. И. Вернадского.

После срочной службы в Советской Армии, пришла пора реализовать свою цель – поступить на исторический факультет и тут встала сразу дилемма – выбор института. Второй «заход» абитуриента должен был учитывать опыт первой попытки: в столичные вузы Леонид Алексеевич поступать не стал, отдав предпочтение историческому факультету Харьковского государственного университета им. А. М. Горького. Причина выбора была обусловлена тем, что в харьковском вузе была одна из сильнейших научных школ по истории славян, также факультет был одним из ведущих в УССР, вопросов к биографии было поменьше. Пройдя успешно экзамены, им была реализована заветная мечта: студенческий билет был пропуском в тот мир, о которой мечтал Леонид Алексеевич, мир далекий от тяжелых будней крестьянского уклада жизни, мир исторических знаний. Успех требовал плату – соответствие требованиям социалистических норм. Так уже в годы студенчества Леонид Алексеевич стал на путь конформизма, делая это добровольно и получая от этого решения свою выгоду – карьерный рост: по завершению истфака он продолжил образование в аспирантуре родного вуза, где проводил исследование под руководством декана истфака, доктора исторических наук, профессора Степана Ивановича Сидельникова – одного из ведущих советских славистов [14, с. 281]. В 1969 г. Л. А. Пашковский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Культурные связи между Советским Союзом и Болгарией в 1934–1941 гг.» [12]. Становление профессиональной деятельности Леонида Алексеевича проходило в двух вузах:

сначала в Харькове, а в последующем в Донецком государственном университете на кафедре всемирной истории, где он проработал на протяжении пяти лет, читая курсы по славяноведению и занимаясь работой с иностранными студентами [7, л. 30].

Нужно отметить, что исторические факультеты двух вузов Харькова и Донецка стали особым местом в карьере Леонида Алексеевича.

Преобразование Крымского государственного педагогического института в Симферопольский государственный университет в 1972 г. сопровождалось трудностями, одной из которых было отсутствие квалифицированных педагогических кадров. Для поддержания социалистического строительства со всех вузов СССР в Симферополь направлялись преподаватели для усиления педагогического коллектива. В их число попал и Леонид Алексеевич: со своим другом по истфаку донецкого университета и, особенно, коллегой по работе с иностранными студентами Николаем Григорьевичем Дементьевым летом 1975 г. прибыл в Крым на новое место работы. В августе 1975 г. Л. А. Пашковский был зачислен в штат сотрудников кафедры всеобщей истории исторического факультета СГУ им. М. В. Фрунзе, на базе которой в 1976 г. была создана кафедра новой и новейшей истории. Следующие 38 лет Леонид Алексеевич связал свою судьбу с кафедрой, факультетом и вузом.

Рис. 4. Л. А. Пашковский с коллегами по кафедре новой и новейшей истории. Первая половина 1980-х гг. Сидят слева направо: М. Ф. Слинкин, П. К. Тарасов, Г. С. Бабичев. Стоят слева направо: Ю. И. Горбунов, Л. В. Андреева, С. С. Щевелев, Л. А. Пашковский. Фотография из фондов кафедры новой и новейшей истории КФУ имени В. И. Вернадского.

По приезду в вуз, его ждал неожиданный сюрприз: деканом исторического факультета СГУ им. М. В. Фрунзе был Виталий Николаевич Даниленко – не просто интересный человек и успешный археолог, но и приятель студенческой поры и аспирантских лет по Харьковскому государственному университету. Зная Л. А. Пашковского, именно В. Н. Даниленко пригласил Леонида Алексеевича на работу в деканат своим заместителем.

Летом 1975 г. было принято судьбоносное решение, которое определило последующие годы жизни Леонида Алексеевича. На протяжении неполных четырех десятилетий работа Л. А. Пашковского в симферопольском вузе шла по трем направлениям: научная, педагогическая и административная. Плоды трудов получились разные.

В СГУ им. М. В. Фрунзе Леонид Алексеевич сразу же для себя определил приоритеты: карьерный рост он связывал с управленческой работой. Одиннадцать лет, с 1975 г. по 1986 г., он работал на должности заместителя декана истфака. На протяжении десятилетия Л. А. Пашковский помогал развивать исторический факультет четырем деканам: В. Н. Даниленко, В. Ф. Шарапе, П. И. Гарчеву и П. К. Тарасову. В 1986 г., используя приобретенный опыт и авторитет коллег, он был избран на должность декана, которую занимал рекордный для факультета срок до 2009 г. (в 1992–1995 гг. истфак существовал в преобразованном формате и носил название историко-юридический факультет). Также, на протяжении пятнадцати лет, с 1997 г. по 2012 г., Леонид Алексеевич был заведующим кафедрой новой и новейшей истории, у истоков которой он стоял.

Рис. 5. Л. А. Пашковский с коллегами по кафедре новой иновейшей истории. Вторая половина 1980-х гг. Сидят слева направо: З. Н. Иванова, Д. П. Урсу, И. Н. Герасимова, Г. С. Бабичев. Стоят слева направо: Ю. Н. Задавысвичка, Л. А. Пашковский, П. К. Тарасов, Ю. И. Горбунов, С. С. Щевелев. Фотография из фондов кафедры новой и новейшей истории КФУ имени В. И. Вернадского.

Л. А. Пашковский исправно справлялся со своими менеджерскими обязанностями. Ни у одного из пяти ректоров СГУ и ТНУ – А. Ф. Перехода, Л. Г. Апостолова, А. Г. Шеина, В. Г. Сидякина, Н. В. Багрова – его титанический труд не вызывал нареканий. По сути, он был «безотказным» управленцем: любое указание руководства им исполнялось безукоризненно и безоговорочно. Именно Л. А. Пашковский пребывал в центре реформ на историческом факультете: трансформация педагогического института в университет (1975–1985), преобразования эпохи «Перестройки» (1985–1991), открытие новой специальности «Правоведение», образование историко-юридического факультета (1992–1993), начало подготовки специалистов по новой специальности «Философия» (1993), преобразование специальности «История» во «Всемирную историю» (1994), аттестация Министерством образования Украины факультета по IV категории (1995, 2005), переход факультета на многоступенчатую подготовку кадров «бакалавр – специалист – магистр» (1998), подготовка студентов по специальностям «Культурология» и «Политология» (2000), образование кафедры социальной философии при истфаке (2001), внедрение Болонской системы в учебный процесс (2004–2009). Многие годы он возглавлял Общество охраны памятников, истории и культуры СГУ, был ответственным секретарем приемной комиссии вуза [1, л. 29–31].

Рис. 6. Л. А. Пашковский во время работы вступительной экзаменационной комиссии. Июль 1987 г. Сидят слева направо: С. Б. Филимонов, Л. А. Пашковский. Фото из газеты «Университетская жизнь» (2003. – № 4. – С. 3.).

Леонид Алексеевич, используя административный ресурс, боролся за открытие в начале 1990-х гг. на факультете и кафедре новой и новейшей истории

специальности «страновед-юрист» для работы в таможенной службе Украины; не оставлял он надежды об организации приема студентов по специализации история международных отношений; в 2000-е гг. им лоббировалась подготовка специалистов, которые могли получать двойные дипломы по истории и иностранной филологии [6, л. 4; 8, л. 2; 9, л. 10]. Однако объективная реальность – периферийный статус вуза, политическая нестабильность Крыма – стояли непреодолимым препятствием на пути реализации этих планов. Вклад Л. А. Пашковского в развитие крымского вуза был оценен руководством: в 1998 г. он получил звание почетный доцент СГУ им. М. В. Фрунзе, в 2006 г. – почетное звание Ветеран труда ТНУ им. В. И. Вернадского, в 2008 г. – отмечен Почетной грамотой в связи с 90-летием ТНУ им. В. И. Вернадского. При этом в коллективе не было однозначности в оценке факультетской политике Леонида Алексеевича [11; 16, с. 346–347].

Рис. 7. Л. А. Пашковский и сотрудники деканата поздравляют с Днем победы коллегу-ветерана – профессора М. Ф. Слинкина. Стоят слева направо: Л. А. Пашковский, Т. В. Жукова, О. Артемьева, М. Ф. Слинкин. Май 2004 г. Фото из газеты «Университетская жизнь» (2003. – № 4. – С. 1).

Рис. 8. Л. А. Пашковский на выставке сотрудников ТНУ им. В. И. Вернадского. Первая половина 2000-х гг. Фотография из фондов кафедры новой и новейшей истории КФУ имени В. И. Вернадского.

За годы административной работы Л. А. Пашковского факультет дважды перемещался: в 1976 г. были «освоены» аудитории 2 и 3 этажей корпус «Б» на ул. Ялтинской (ныне пр-т Вернадского, 4), а двадцать два года спустя, в 2008 г. факультет переехал в корпус «Свечка» (пр-т Вернадского, 20) на 9 и 10 этаж. В двух случаях изменение дислокации факультета были серьезным испытанием для Леонида Алексеевича. Особенно последний переезд был болезненным: если в середине 1970-х гг. было осознание роста, значения и престижа факультета, то в конце 2000-х гг. переезд воспринимался деканом, как изгнание, угасание его личного авторитета и сдача позиций факультета в конкурентной борьбе с другими структурами вуза. В горестных раздумьях Леонида Алексеевича было много правды: как в 40 лет, так и практически в 80 лет его ежедневный график труда составлял 12–13 часов, которые затрачивались на организацию работы факультета. Трезво оценивая положение, он с грустью понимал, что престижная

административная работа, как ржавчина «разрушила» его как педагога и ученого. Выбор, который он сделал в 1975 г. в пользу управленческой карьеры, дал ему легко ускользающий почет, полезные связи, финансовую независимость, но с каждым годом лишал Леонида Алексеевича более важного – вклада в более вечное: он не сделал имени в науке, им не были воспитаны специалисты, способные передать его профессиональные знания.

Рис. 9. Л. А. Пашковский с коллегами во время работы Государственной экзаменационной комиссии. 2002 г. Сидят слева направо: А. И. Айбабин, Л. А. Пашковский, С. В. Юрченко, А. Р. Никифоров. Стоят слева направо: выпускники-специализанты кафедры новой и новейшей истории. Фотография из фондов автора.

Сочетать деканатскую работу и преподавание Л. А. Пашковскому было тяжело: ректораты, текущие вопросы отрывали от лекционных и практических занятий. В последние годы добавились проблемы со здоровьем. На восьмом десятке лет вести аудиторную работу ему было очень тяжело. Зрелые, «золотые годы», пришедшиеся на 1970–1980-е гг., были потрачены на убеждение студенчества в правильности социалистического строительства в странах Южной и Центрально-восточной Европы и административную работу. Шестнадцать лет были затрачены на пропагандирование советской политической конъюнктуры в рамках курса «История южных и западных славян» и семи специальных дисциплин, содержание которых поглотило забытье: «Борьба Коминтерна за единство рабочего и народного фронта», «Выдающиеся достижения международного коммунистического и рабочего движения», «Советско-болгарские отношения в 20–30-е гг. XX века», «История Коммунистического интернационала», «Выдающаяся деятельность международного

коммунистического и рабочего движения», «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», «Образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-восточной Европы» [1, л. 2, 23–24; 4, л. 33; 5, л. 41; 7, л. 22]. Идеологически выдержанные дисциплины, в основном дублирующие содержание друг друга, соответствовали эпохе, но не взглядам Леонида Алексеевича: в борьбе между внешними обстоятельствами и внутренними интересами побеждала должность декана – именно в пользу нее был сделан выбор. В результате уже после коллапса СССР, когда исчезла идеологическая «шелуха», казалось, появилась полная свобода для диалога между преподавателем и студенчеством, Леонид Алексеевич оказался в прежней ловушке своего выбора. Вводя новые, интересные предметы в учебный план, он был лишен времени и сил, чтобы их превратить в систему передачи его опыта. У студентов оставались теплые воспоминания, но не всегда знания от общения с Л. А. Пашковским в рамках работы по предметам «История Балкан в XX в.», «История столиц Центральной и Юго-Восточной Европы», «История Центрально-Восточной Европы», «История Евросоюза», «История столиц зарубежных славянских государств», «История Европы: избранные аспекты интеллектуальной истории», «Избранные вопросы интеллектуальной истории», «Магистерский научный семинар», «Методология и организация научных исследований», «Студенческий научный семинар». Леонид Алексеевич мудро оценивал реальность: его занятость не должна была обрекать студентов на мучительное штудирование книг, поэтому всегда с пониманием относился к их незнанию во время сессии. «Студент – не редко говорил Л. А. Пашковский – не робот, он заслуживает человечности».

Добрые слова о Леониде Алексеевиче в памяти поколений выпускников истфака 1970–2000-х гг. остались благодаря организованным деканом регулярным поездкам в Болгарию, Польшу и Чехословакию. Ягеллонский университет на долгие годы стал «Меккой» для симферопольских студентов. Туры не обходились без курьезов: возглавляемая Леонидом Алексеевичем делегация представителей истфака прибыла на Центральный вокзал Праги. Казалось, все было запланировано и ожидаемо, но на перроне стояли люди с необычным транспарантом, на котором красовалась надпись на чешском языке: «Pozornost, delegace pracovníků historického fakulty!». Упустив из виду тонкость перевода, принимающая сторона допустила оплошность, которая вызвала у советской делегации конфуз: многие не хотели выходить из вагонов, опасаясь провокации. И только опыт Леонида Алексеевича внес ясность: ему пришлось успокоить коллег и студентов тем, что слово ««pozornost» на русском языке означает «внимание» и не содержит политического подтекста. Эта история еще долго гуляла по истфаку, обрастая мифами и легендами. В целом, кропотливый труд не был формальной работой Леонида Алексеевича по укреплению социалистических связей. В действительности, им велась кропотливая деятельность по интеграции исторического факультета в европейское академическое и образовательное пространство, что соответствовало его мировоззренческим взглядам [13].

Рис. 10 Л. А. Пашковский на лекционном занятии. 2012 г. Фотография из фондов автора.

Беседы с Л. А. Пашковским и в кабинете декана, и на кафедре всегда поражали широтой и глубиной его «сквозного» взгляда на исторический процесс: рассматривая события, давая оценку исторической личности, им объединялись в одночасье разные эпохи; он обладал способностью анализировать тему на локальном и глобальном уровнях. «Сперва, нужно видеть историческую проблему с высоты «птичьего полета», обзорно» – эта фраза означала перевод разговора Леонид Алексеевичем в продолжительный формат. «Совещания» на профессиональные темы затягивались и продолжались до закрытия корпусов университета. Охрана вуза привыкла к тому, что поздним вечером в окне деканата истфака горел свет, а дверь кабинета декана всегда была открыта настежь в коридор. Печально, но научные изыскания Л. А. Пашковского остались исключительно на уровне бесед и сохраняются в памяти его современников, что тоже весьма скоротечно и непостоянно. Неординарные способности, научная креативность были заключены в научном мышлении Л. А. Пашковского, которые не были им реализованы. Научный мир советского времени так и не увидел его монографию по теме «Георгий Димитров об основных проблемах новейшей истории Болгарии» [2, л. 2; 3, л. 1–3]. Не были опубликованы научные наработки и после 1992 г. Идея «славянской тройки» – Беловежские решения Б. Н. Ельцина, Л. М. Кравчука и С. С. Шушкевича (1991) – в глобально-историческом

пространстве остались на уровне рассуждений, но так и не предстали перед академическим сообществом.

Последние пять лет работы в вузе для Леонида Алексеевича были трудным временем, ставшим непосильным бременем. Ухудшалось здоровье, падало зрение, приходилось работать с книгами, документами при помощи увеличительной лупы. Все сильнее и сильнее наступало ощущения одиночества – круг общения сжимался. В 2000-е гг. его покинули коллеги, с которыми он строил кафедру в предшествовавшие десятилетия: профессора М. Ф. Слинкин и Д. П. Урсу, доцент Ю. Н. Задавысвичка. Реже стали контакты с деканом химического факультета – Василием Яковлевичем Чирвой, с которым велись разговоры об истории, политике, но главное – на родном украинском языке. Сократилось общение с самыми близкими учениками: профессор С. В. Юрченко возглавил кафедру политологии на философском факультете, старший преподаватель Л. А. Кича все больше преподавала предмет «Всеобщая история» на других факультетах. Мир вокруг него сжимался.

Рис. 11. Леонид Алексеевич Пашковский и группа студентов исторического факультета СГУ им. М. В. Фрунзе на практике в Чехословакии (г. Нитра). Фотография из фондов Музея истории Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

Л. А. Пашковский всегда привык идти в ногу со временем и рационально оценивать положение дел. В конце первого десятилетия XXI в. Леонид Алексеевич

столкнулся со сменой поколения менеджеров в ТНУ им. В. И. Вернадского. Этот системный процесс не оставлял никаких шансов на продолжение работы: в марте 2009 г. он покинул должность декана, спустя три года, в 2012 г., ушел с заведования кафедрой, а в сентябре 2013 г. вышел на пенсию и приобрел подлинную свободу, от которой отказывался во имя власти долгие десятилетия [10, с. 86–87].

Закрыв за собой дверь на историческом факультете, Леонид Алексеевич Пашковский оставил наследие [15, с. 86–116, 226–232]. Оно не измеряется обилием публикаций, научными открытиями, успешными защитами диссертаций аспирантов и докторантов. Им оставлено не менее ценное: годы жизни, отданные развитию факультета, и сокровенное – любимую библиотеку, книги из которой постоянно поддерживают память об ушедшем историке, коллеге, наставнике.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), ф. Р-21, оп. 7, д. 1037, л. 2.
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (dalee – GARK), f. R-21, op. 7, d. 1037, l. 2.
2. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 1338, л. 2.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 1338, l. 2.
3. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 1610, л. 1–3.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 1610, l. 1–3.
4. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 4409, л. 33.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 4409, l. 33.
5. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 4511, л. 41.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 4511, l. 41.
6. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 4803, л. 4.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 4803, l. 4.
7. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 500, л. 22.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 500, l. 22.
8. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 5513, л. 2.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 5513, l. 2.
9. ГАРК, ф. Р-21, оп. 7, д. 5780, л. 10.
GARK, f. R-21, op. 7, d. 5780, l. 10.
10. Дорофеев Д. В. Fiat lux: кафедра новой и новейшей истории, 1918–2018. – Симферополь: АРИАЛ, 2018. – 126 с.
Dorofeev D. V. Fiat lux: kafedra novoi i noveishei istorii, 1918–2018. – Simferopol': ARIAL, 2018. – 126 s.
11. Непомнящий А. А. Памяти профессора Дмитрия Павловича Урсу // Крымское историческое обозрение. – 2017. – № 2. – С. 206–220.
Nepomnyashchii A. A. Pamyati professora Dmitriya Pavlovicha Ursu // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. – 2017. – № 2. – S. 206–220.
12. Пашковский Л. А. Культурные связи между Советским Союзом и Болгарией в 1934–1941 гг.: автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Харьк. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Харьков, 1969. – 26 с.
Pashkovskii L. A. Kul'turnye svyazi mezhdu Sovetskim Soyuzom i Bolgariei v 1934–1941 gg.: Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk / Khar'k. gos. un-t im. A. M. Gor'kogo. – Khar'kov: [b. i.], 1969. – 26 s.
13. Пашковский Л. С историей на «Ты» // Таврический университет. – 2003. – № 15 – С. 4.
Pashkovskii L. S istoriei na «Ty» // Tavricheskii universitet. – 2003. – № 15 – S. 4.
14. Сайпанова А. С. И. Сидельников – декан исторического факультета Харьковского университета // Харківський історіографічний збірник. – 2010. – № 10. – С. 275–284.
Saipanova A. S. I. Sidel'nikov – dekan istoricheskogo fakul'teta Khar'kovskogo universiteta // Kharkivs'kii istoriografichnii zbirnik. – 2010. – № 10. – S. 275–284.

15. Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского / Т. А. Гогунская, Д. В. Дорофеев, А. А. Задерейчук, Д. А. Малышев, А. А. Непомнящий, Э. Б. Петрова; под ред. Э. Б. Петровой. – Симферополь: АРИАЛ, 2018. – 356 с.

Sto let sluzheniya nauke i prosveshheniyu: istoricheskij fakul`tet Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo / T. A. Gogunskaya, D. V. Dorofeev, A. A. Zaderejchuk, D. A. Maly`shev, A. A. Nepomnyashhij, E`. B. Petrova; pod red. E`. B. Petrovoj. – Simferopol`: ARIAL, 2018. – 356 s.

16. Урсу Д. П. Университет длиною в жизнь: путь историка. – Одесса: Бондаренко М. А., 2016. – 504 с.

Ursu D. P. Universitet dlinoyu v zhizn': put' istorika. – Odessa: Bondarenko M. A., 2016. – 504 s.

Dorofeyev D. V.«With history on «you»»: Leonid Alekseevich Pashkovsky (1934–2018): the memory of the historian, colleague, advisor

The article concerns with the life path of L. A. Pashkovsky, a historian-slavist, who worked for 38 years as Deputy Dean and Dean of the Historical faculty, the head of the Chair of new and modern history of M. V. Frunze Simferopol State University and V. I. Vernadsky Taurida National University. The focus of the study is the stages of L. A. Pashkovsky's life: childhood and adolescence spent in the villages Novopolyana and Trepovka of Znamensky district of Kirovograd region, Ukrainian SSR; studying in Zaporozhskey metallurgical technical college; military service in the armed forces of the USSR; student and postgraduate years at the Historical faculty of Kharkov State University; work in the universities of Kharkov and Donetsk; contribution to the development of the Historical faculty and the Chair of new and modern history of M. V. Frunze Simferopol state university and V. I. Vernadsky Taurida national university.

Keywords***:*** Leonid Alekseevich Pashkovsky, the Chair of new and modern history, M. V. Frunze Simferopol State University, V. I. Vernadsky Taurida National University.